

НАЦИО
НАЛЬ
НЫЙ
BEST
СЕЛЛЕР

США

A NOVEL BY
DOUGLAS
KENNEDY

Five days

НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTSELLER
США

ДУГЛАС

КЕННЕДИ

Пять дней

МОСКВА

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44
К33

Перевод с английского И. П. Новоселецкой

Кеннеди, Д.
К33 Пять дней / Д. Кеннеди ; [пер. с англ. И. П. Новоселецкой]. – М. : РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. – 384 с. – (Национальный Bestseller).

ISBN 978-5-519-60844-2

Глубокая динамичная история, способная вызвать слезы на глазах и заставляющая задуматься о выборе, который делает в жизни каждый. Лаура – рентгенолог в небольшой больнице на побережье штата Мэн. На работе она добилась блестящих результатов, а вот в семье... Ее двадцатилетний брак давно идет ко дну. Однажды она едет на конференцию в Бостон и знакомится там с Ричардом Коулманом, страховым агентом. Неожиданно для себя Лаура понимает, что ей очень нравится этот подвижный и удивительно начитанный человек. Два одиноких сердца встречаются в чужом городе... Два отчаявшихся человека соединяются, но страшатся последствий... «Пять дней» – это великолепный роман о многочисленных противоречиях человеческого сердца и о том, что каждый наш поступок в итоге имеет значение.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44
BIC FRD
BISAC FIC027020

*This edition is published by arrangement
with Aitken Alexander Associates Ltd.
and The Van Lear Agency LLC*

ISBN 978-5-519-60844-2

© Douglas Kennedy, 2013
© Перевод, И. П. Новоселецкая, 2015
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015
© T8RUGRAM, 2017

ЧЕТВЕРГ

Глава 1

Раковую опухоль я увидела сразу. Она бросалась в глаза. Как всегда, я резко втянула в себя воздух, сознавая, что это — начало конца.

Опухоль имела форму одуванчика. Порой новообразования такого типа похожи на недорогие рождественские украшения — на дешевую звездочку с неровными краями. Эта напоминала цветок с облетевшими лепестками и отличалась коварным игольчатым строением — «спикулярной структурой», как выражались рентгенологи.

Спикулярный. Впервые услышав это слово, я полезла в словарь и выяснила, что происхождение у него зоологическое: спикула — это мелкий игловидный структурный элемент скелета некоторых беспозвоночных, в частности губок (я и не подозревала, что у губки есть скелет). Однако понятие «спикула» присутствовало еще и в астрономии, и означало оно недолговечный копьеобразный столб горячего газа, выбрасываемый из хромосферы в солнечную корону.

Это последнее определение неделями не давало мне покоя. Слишком уж точно оно отражало суть заболевания. Бывает, что спикулярная раковая опухоль — как та, на которую я сейчас смотрела, — существует многие годы, десятки лет. Но, едва возникнув, она становится подобна вспышке пламени, которое сжигает все на своем пути, требуя к себе полного внимания. Если пламя не заметить и не погасить на ранней стадии, оно возомнит себя не просто огненной струей, а сверхновой мини-звездой, которая, демонстрируя напо-

следок свою пиротехническую мощь, разрушает вселенную, ее приютившую.

Вне сомнения, все шло к тому, что спиккулярная опухоль, на которую я смотрела, вскоре должна взорваться — и, взорвавшись, она уничтожит человека, в легком которого закрепилась.

Еще один ужас в бездонной копилке ужасов, наполнявших мои рабочие будни с девяти до пяти.

И нынешний день обещал быть непростым. За час до того, как передо мной на экране возникла эта спиккулярная раковая опухоль, я делала КТ девятилетней девочке по имени Джессика Уорд. Согласно истории болезни, она страдала парализующими головными болями. Врач, наблюдавший девочку, направил ее к нам, чтобы исключить «проблемы неврологического характера» — «опухоль головного мозга», на языке врачей. Отец девочки — его звали Чак, — тихий жалкий мужчина тридцати пяти — тридцати шести лет с грустными глазами и желтыми зубами, свидетельствовавшими о его пристрастии к курению, сказал, что работает сварщиком на судостроительном заводе в Бате.

— Мама Джесси ушла от нас два года назад, — сообщил он мне, пока его дочь передевалась в больничную сорочку в специальном помещении рядом с рентген-кабинетом.

— Умерла? — уточнила я.

— Если бы. Эта стерва — простите, что выражаюсь, — сбежала с парнем, с которым работала в аптеке «Райт эйд» в Брансуике. Они живут в каком-то трейлере в Бестине. Это на Флоридском «отростке». Знаете, как там называют это место? Ривьера для деревенщин. Это мне приятель один сказал. У Джесси головные боли начались после того, как ее мама исчезла. С тех пор она ни разу не навестила Джесси. Разве это мать?

— Ей повезло, что у нее такой отец, как вы, — заметила я, стараясь успокоить мужчину: он сильно нервничал, хотя и пытался это скрыть.

— Она — все, что у меня есть, мэм.

— Меня зовут Лора, — представилась я.

— И если окажется, что она серьезно больна... врачи ведь просто так не направляют девочек на компьютерное обследование...

— Я уверена, ваш доктор просто хочет исключить нежелательные варианты, — отвечала я отработанным годами бесстрастным голосом.

— Говорите как по писаному. Вас учат такому обращению с пациентами, да? — Страх в его голосе, как мне это часто случалось наблюдать, вытеснял гнев.

— В общем-то, вы правы. Мы обучены тому, чтобы пытаться успокоить пациента и не говорить лишнего. Потому что я рентгенлаборант, а не рентгенолог-диагност.

— Теперь вы забрасываете меня умными словечками.

— Я работаю с аппаратурой, делаю снимки. Рентгенолог-диагност — это врач, который затем изучает сканограмму, смотрит снимки.

— И когда можно будет с ним поговорить?

Никогда. Рентгенолог-диагност — фигура закулисная. Он анализирует сканограммы, рентгенограммы, томограммы, эхограммы, но редко встречается с пациентами.

— Доктор Харрид поговорит непосредственно с лечащим врачом Джесси, и, я уверена, вас сразу же проинформируют о том, есть ли...

— Вас специально учат разговаривать, как робот? — Едва эта реплика сорвалась с уст отца девочки, он тут же раскаялся: — Простите, я был не прав.

— Все в порядке, не волнуйтесь, — сказала я все тем же бесстрастным голосом.

— Вы обиделись.

— Вовсе нет. Я понимаю, как это все для вас, должно быть, тяжело, вы очень обеспокоены.

— Теперь вы снова говорите заученными фразами.

Из раздевалки вышла Джесси — оробевшая, напряженная, растерянная.

— Будет больно, да? — спросила она меня.

— Мы сделаем тебе укол, введем в кровь краситель, чтобы можно было увидеть, что происходит у тебя внутри. Но краситель безвреден...

— А укол? — На лице девочки был написан испуг.

— Чутьочку кольнет в руке, и сразу все пройдет.

— Обещаете? — Она пыталась храбриться, хотя, будучи совсем еще ребенком, толком и не понимала, зачем она здесь, для чего все эти медицинские процедуры.

— Будь настоящим солдатом, Джесс, — сказал ее отец, — а по дороге домой мы купим тебе Барби, какую ты хотела.

— Честный уговор, — одобрила я, а про себя подумала: не слишком ли я их обнадеживаю?

Я уже шестнадцать лет работала рентген-лаборантом, но до сих пор все процедуры, связанные с обследованием детей, вызывали у меня страх. Я всегда боялась первой увидеть результаты. А они слишком часто оказывались плохими.

— Это займет десять — пятнадцать минут, не больше, — сказала я отцу Джессики. — Здесь есть холл для ожидания. Там кофе, журналы... Это несколько шагов по коридору...

— Я на улице подожду.

— Это потому что ты по сигарете соскучился, — сказала Джессика.

Ее отец подавил глуповатую улыбку:

— Дочка слишком хорошо меня знает.

— Я не хочу, чтобы папа умер от рака.

Отец ее мгновенно помрачнел. Я видела, что он отчаянно пытается контролировать свои эмоции.

— Давай отпустим папу. Пусть подышит свежим воздухом.

Я завела Джессику в комнату с установкой, а сама повернулась к ее отцу. Тот плакал.

— Я знаю, как вам тяжело, — сказала я. — Но пока диагноз не поставлен...

Он просто покачал головой и пошел к двери, доставая сигареты из кармана рубашки.

Я вернулась к Джессике. Та со страхом таращилась на компьютерный томограф. Я понимала ее беспокойство. На вид это грозная установка, злоеющая. Она представляет собой большой широкий обруч с двумя емкостями фантастического вида, содержащими чернильную жидкость. Перед обручем — узкая койка, больше похожая на гроб (только с подушкой). Такое зрелище даже во взрослых вселяло панику. Так что реакция Джессики меня ничуть не удивила.

— Я должна залезть туда? — спросила Джессика, поглядывая на дверь, будто хотела убежать.

— Это совсем не страшно. Ляг на койку. Специальное устройство поднимет тебя в установку. Обруч сделает снимки, какие нужны доктору... и все. Глазом не успеешь моргнуть, как мы закончим.

— И больно не будет?

— Давай-ка ложись, — сказала я, подводя девочку к койке.

— Я к папе хочу.

— К папе пойдешь через несколько минут.

— Обещаете?

— Обещаю.

Джессика забралась на койку.

Я подошла к ней, держа в руке трубку, подсоединенную к капсуле с чернильной жидкостью. Ладонью я прикрывала иглу для внутривенных инъекций, которая пока еще была в стерильном колпачке. Никогда не показывайте пациенту иглу для внутривенных инъекций. Никогда.

— Замечательно, Джессика. Я не стану обманывать тебя и говорить, что введение иглы в руку безболезненно. Но больно будет всего лишь мгновение, а потом все пройдет. Вообще никакой боли.

— Обещаете?

— Обещаю. Правда, возможно, несколько минут тебе будет жарко.

— Но жечь не будет, да?

— Нет, что ты. Никакого жжения.

— Я хочу к папе.

— Чем скорее мы закончим, тем быстрее пойдешь к папе. Так, а теперь слушай меня. Закрой глаза и думай о чем-нибудь приятном. У тебя есть любимый домашний питомец, Джессика?

— Песик.

— Закрой глаза, пожалуйста.

Девочка повиновалась.

— Что за песик?

— Кокер-спаниель. Папа подарил на день рождения.

Я протерла ее руку на внутреннем сгибе локтя жидким анестезирующим средством.

— Иголка уже вошла? — спросила Джессика.

— Еще нет. И как же зовут твоего песика?

— Таффи.

— Он делает глупости? Расскажи о чем-нибудь смешном.

— Однажды он съел целую тарелку пастилок¹.

— Как ему это удалось?

— Папа оставил конфеты на кухонном столе, он любит жарить их на огне на Рождество. А потом Таффи откуда-то выскочил и...

Джессика засмеялась. Вот тогда-то я и ввела иглу ей в руку. Она вскрикнула, но я продолжала расспрашивать ее про собаку, а сама тем временем закрепляла иглу на руке пластырем. Потом, сказав, что выйду из комнаты на несколько минут, я спросила:

— Все еще больно?

¹ Зд. маршмеллоу — легкие пористые конфеты в форме подушечек из яичных белков, кукурузного сиропа и желатина. Поджариваются на палочке на открытом огне; используются также как кулинарный компонент в салатах, десертах, густых кремах, сладких пастах.